

Званный
гость

Владимир МОТЫЛЬ:

Красная звезда - 1995. - Бюл.

С «Белым солнцем...» за кинодержаву не обидно

Н

е знаю ни одного человека, который бы не видел «Белое солнце пустыни». Вот уже двадцать пять лет не сходит этот фильм с экрана, не только не тускнеет со временем, а, наоборот, — открывая все новые и новые краски для новых и новых поколений. В картине нет неглавных персонажей, каждый даже в эпизодической роли — колоритен, сочен, со своим неповторимым характером, языком, интонациями, какой-то своей «изюминкой».

«За державу обидно», «Саид, ты зачем убил моих людей?», «Восток — дело тонкое!», «Гюльчитай, открой личико»... Можно долго приводить «крылатые слова» из «Белого солнца...», вошедшие в фольклор. А о «товарище Сухове» и Петрухе уже и песни сложены. Может, когда-нибудь догадуются и памятник поставить этим киногероям, и, право же, к нему не зарастет народная тропа.

Очередной званный гость «Красной звезды» — режиссер-постановщик этого фильма Владимир МОТЫЛЬ.

— Знаете, Владимир Яковлевич, вот вспоминаю сейчас свои ранние впечатления от «Белого солнца...» и не могу сказать, что так уж сразу раскусил, как, оказывается, — непрост этот фильм, хотя и безумно интересен. Совершенно, например, не думалось, насколько он соответствовал привычным на то время, 25 лет назад, представлениям о том, какими должны быть фильмы о гражданской войне, где обязательные герои — «комиссары в пыльных шлемах», «Павки Корчагины»...

— Так это и есть самое нормальное восприятие — когда интересно. Познакомившись со сценарием Рустама Ибрагимбекова и Валентина Ежова, я в первую очередь тоже испытал именно это — интерес, профессиональный интерес.

Строго говоря, «Белое солнце пустыни» к теме гражданской войны имеет лишь косвенное отношение. Для меня важно было сделать романтический фильм, это мой любимый жанр в кино.

Вроде бы немодное в наше время слово «романтика», но как без нее прожить?

— В «Белом солнце...» у вас даже Абдулла получился в некотором роде романтической фигурой. Ведь чем его гнев на «товарища Сухова» вызван? Классовой ненавистью? Да нет же. Тем, что отоби-

рали у него гарем, любимых женщин.

— Тем и великолепен и интересен сценарий картины, что все поступки его героев объяснены чисто человеческими мотивами. Как, собственно, и бывает в жизни.

Еще раз хочу повторить, что этот фильм не является иллюстрацией к истории по борьбе с басмачеством в Средней Азии. Взял лишь фон, в чем-то даже шаржированный, пародийный. Это нормальный приключенческий фильм.

С этой точки зрения очень тонко выписаны, как мне кажется, образы Саида и Верещагина. Казалось бы, ну с какой стати им занять сторону Сухова? Но у зрителей такого вопроса не возникает. Потому что все понятно: Саид мстит за отца, и плюс к этому Сухов выкопал его из песка, спас, значит, а такое восточными людьми не забывается. Верещагин мстит за поправившегося ему Петруху, к тому же ему — «за державу обидно».

Вот потому и говорю: «Белое солнце пустыни» — прежде всего романтический фильм. Он — о романтике человеческих поступков.

— Вскоре после выхода вашей картины на экран, не стало замечательного артиста Павла Борисовича Луспекаева...

— 17 апреля... Он еще успел прочитать первые рецензии на «Белое солнце...», причем во всех его роль выделялась особо. Работа Луспекаева в фильме была подвигом в самом высоком и буквальном значении этого слова. У него ведь были ампутированы ступни обеих ног. Я предлагал ему сниматься на костылях, перенести часть съемок в павильон, чтобы не мучиться в штормовую качку на баркасе, но надо знать Павла Борисовича, который не приемлет даже малейших компромиссов. Ценой каких же мук давалась ему та правдивость, та жизненная

сила в изображении своего героя! Никто из зрителей не только не заподозрил в Верещагине инвалида, но увидел образ былинного богатыря! Знаете, вот такой взъерошенный, забубенный характер Верещагина-Луспекаева вообще в целом определил стилистику картины, сделав ее близкой народному сказанию.

О Луспекаеве мало сказать — замечательный. Великий! Один из величайших актеров мирового кино XX столетия.

Пользуясь случаем, хотел бы обратиться через «Красную звезду» к руководителям телекомпаний. Я знаю, что в фондах ТВ есть немало материалов о Луспекаеве, в частности документальный фильм режиссера Владимира Македонского, снятый в 1977 г. Убежден, что если его покажут 17 апреля, то зрители воспримут это с огромной благодарностью.

— Владимир Яковлевич, а чем объясняется, что празднование 25-летия фильма происходило в Киноцентре 30 марта. Что стоит именно за этой датой?

— Какого-то конкретного события нет. Вообще-то днем рождения фильма считается дата его официальной приемки. Но мы отмечаем не юбилей утверждения картины комиссией Госкино. Тут бы праздника просто не получи-

лось. У «Белого солнца...», как известно, была трудная судьба. Фильму тогда, в 70-е, дали всего лишь вторую категорию качества, и то долго мурыжили.

Нынешняя весна — это 25-летие выхода картины к народу, когда она наконец-то вырвалась на широкий экран, стала известна многим и многим зрителям.

— Вместе с создателями «Белого солнца...», актерами, снявшимися в нем, — Анатолием Кузнецовым (Сухов), Спартаком Мишулиным (Саид), Кахой Кавсадзе (Абдулла), Галиной Лучай (Екатерина Матвеевна) и другими на праздновании 25-летия был и Николай Годовиков, блистательно сыгравший роль Петрухи. Давненько мы не видели его на людях. Разное по этому поводу доводилось слышать — даже будто бы он в тюрьме сидел.

— Вот тут мне не хотелось бы делиться подробностями. Да, сложно, трудно пришлось ему в жизни, но сейчас — порядок, все нормально.

— Наконец, Владимир Яковлевич, главный, может быть, вопрос. Будет ли сниматься и когда продолжение «Белого солнца пустыни», о чем вы говорили на недавней встрече с Виктором Степановичем Черномырдиным?

— Да, я очень бы хотел, чтобы было продолжение. И конкретно этот вопрос будет решаться где-то осенью, то есть когда закончу работать над фильмом «Роман над пропастью». Вариантов пока видится два.

Первый. Снять действительно продолжение «Белого солнца пустыни», в котором героев играют прежние артисты, но двадцать пять лет спустя. То есть переносится из 1920-го в 1945 год. Тут, сами понимаете, масса сложностей. Годы-то какие!

Второй вариант — сделать «римейк», по-новому снять и с другими уже артистами старый сюжет. Не знаю... Творчески это меня пока не слишком вдохновляет. Вообще-то тут сначала сценаристы должны предложить свои идеи. Так что подождем до осени, может, даст Бог, что-то и получится.

Михаил ЛУКАНИН.